

**РОССИЙСКИЙ СОВЕТ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ДЕЛАМ**

РАБОЧАЯ ТЕТРАДЬ

**МЕЖДУ ПОЛИЦЕНТРИЗМОМ
И БИПОЛЯРНОСТЬЮ:
О РОССИЙСКИХ НАРРАТИВАХ
ЭВОЛЮЦИИ МИРОПОРЯДКА**

№ 52 / 2019

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

МОСКВА 2019

УДК 327.001
ББК 66.4(0),0
К69

Российский совет по международным делам

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

докт. ист. наук, член-корр. РАН **И.С. Иванов**

Автор:

канд. истор. наук **А.В. КОРТУНОВ**

Выпускающие редакторы:

канд. полит. наук **И.Н. Тимофеев;**

канд. полит. наук **Т.А. Махмутов.**

Кортунов, А. В.

К69 Между полицентризмом и биполярностью: о российских нарративах эволюции миропорядка : рабочая тетрадь РСМД № 52 / 2019 / [А. В. Кортунов; гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2019. – 40 с. – Авт. и ред. указаны на обороте тит. л. – ISBN 978-5-6041889-6-5

И. Иванов, И. С., ред.

В рабочей тетради представлены различные подходы к пониманию современного состояния системы международных отношений, делается попытка определить фундаментальные направления дискуссии о будущем мировом порядке. Автор в сравнительном ключе рассматривает состоятельность биполярных и многополярных подходов к описанию международных отношений. В качестве перспективного направления развития российской теории международных отношений выделена концепция многосторонности.

УДК 327.001
ББК 66.4(0),0

Полный текст рабочей тетради опубликован на интернет-портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке — russiancouncil.ru/paper52

Содержание

Предисловие	4
Концепция, не ставшая теорией	9
Обманчивость исторических параллелей	14
Сложности консолидации полюсов	17
Возвращение в биполярный мир	23
Варианты новой биполярности	25
Несовместимость биполярности и полицентризма	30
Многополярность и многосторонность	34
Об авторе	39

Предисловие

На протяжении большей части постсоветской истории в России доминирующим нарративом эволюции современного миропорядка оставался и по-прежнему остается нарратив о последовательном переходе системы мировой политики от биполярности (период Холодной войны) к «однополярному моменту» (начало – середина 1990-х гг.) и далее к многополярному или полицентричному¹ миру. За дальние горизонты «зрелого полицентризма» в России, как правило, не заглядывают. Хотя по вопросам содержания многополярности, специфической траектории системного сдвига и значения этого сдвига для международной стабильности в российском политическом и экспертном сообществах идут активные дискуссии, сам факт общей эволюции мировой системы в направлении многополярности можно считать общепризнанным.

Концепция желательности и исторической предопределенности наступления многополярности чаще всего ассоциируется с фигурой Евгения Примакова. Действительно, начало перехода к многополярному миру было обозначено еще в 1996 г. тогдашним министром иностранных дел как одна из основных тенденций развития современной международной жизни². В апреле 1997 г. при активном участии Е.М. Примакова главами двух государств была подписана Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка³.

Если в Концепции внешней политики Российской Федерации 1993 г. говорится лишь об «исчезновении биполярной структуры в ее глобальном измерении» и о «многовариантности мировой политики как следствии исчезновения глобальной биполярности»⁴, то в Концепции национальной безопасности Российской Федерации от 1998 г. констатируется, что «в настоящее время положение на международной арене характеризуется прежде всего усилением тенденций к формированию многополярного мира»⁵. А в ходе своего визита в Дели в конце 1998 г. уже в качестве премьер-министра Евгений Примаков выдвинул план создания механизма трехстороннего сотрудничества России, Китая и Индии (РИК) как первый практиче-

¹ Термины «многополярный» и «полицентричный» в российской официальной и экспертной лексике чаще всего используются как синонимы, причем первый термин встречается чаще, чем второй. Некоторые эксперты настаивают на наличии различий в нюансах, но в обоих терминах делается упор на «силовые узлы» современного мира — полюса или центры, а не на коммуникацию между ними (как в «многосторонности»).

² Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10. С. 3–13.

³ Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. 05.05.1997. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902155>

⁴ Внешняя политика и безопасность современной России 1991–2002 // Хрестоматия в четырех томах. Том IV — Документы. М.: РОССПЭН. 2002. С. 22.

⁵ Там же. С. 51.

ский шаг на пути к институционализации глобальной многополярности. Выдающуюся роль Е.М. Примакова в разработке концепции многополярного мира впоследствии подчеркивал и Сергей Лавров⁶, который многократно обращался к этой концепции в своих выступлениях, интервью и статьях.

Справедливости ради следует отметить, что концепция многополярности присутствовала в российском внешнеполитическом дискурсе и раньше, как минимум с начала 90-х гг. прошлого столетия⁷. В частности, термин «многополюсный мир» активно использовал в своих работах и выступлениях предшественник Е.М. Примакова на посту российского министра иностранных дел А.В. Козырев. В его программной статье «Стратегия партнерства», опубликованной в «Международной жизни» в 1994 г., подчеркивается: «...Уже сейчас представляется достаточно очевидным, что мир XXI столетия не будет ни «Pax Americana», ни каким бы то ни было новым вариантом двухполюсного мира. Он будет многополюсным»⁸. Как представляется, существенная разница состоит в том, что в первой половине 1990-х гг. идея многополярности в значительной мере носила не столько прикладную (как у Е.М. Примакова), сколько политико-психологическую нагрузку, помогая представить снижение статуса Москвы в международной системе как частное проявление более общих объективных трендов мировой политики.

Международники на Западе едва ли согласятся с приоритетом российского ученого и политика. Как правило, они относят возникновение концепции многополярности к середине 70-х гг. прошлого века. Истоки многополярности ищут в наблюдавшемся тогда стремительном подъеме экономики Западной Европы и Японии, в американском поражении во Вьетнаме, в энергетическом кризисе 1973–1974 гг. и в других тенденциях мировой политики, не укладывавшихся в жесткие рамки биполярного мира. Создание в 1973 г. Трехсторонней комиссии, призванной искать новый формат отношений между Северной Америкой, Западной Европой и Восточной Азией, также отражало представление о приближающейся, если не об уже наступившей многополярности, по крайней мере, в рамках западного мира. С другой стороны, успешная игра Генри Киссинджера на советско-китайских противоречиях в начале 1970-х гг. означала признание факта наличия многополярности и в некогда монолитном коммунистическом блоке.

Любопытно, что на рубеже веков идеи многополярности приобрели такую популярность в США и в Европе, что тогдашний Советник президента Дж. Буша по национальной безопасности Кондолиза Райс сочла необходимым опубликовать целую статью с развернутой и весьма жесткой критикой многополярности как концепции соперничества и потенциальных конфликтов,

⁶ Интервью Министра иностранных дел С.В. Лаврова телекомпании ВГТРК в связи с юбилеем Е.М. Примакова, Москва // МИД России. 28.10.2014.
URL: http://www.mid.ru/web/guest/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/781648

⁷ Рогов С.М. Россия и США в многополярном мире // США: экономика, политика, идеология. 1992. № 10

⁸ Козырев А.В. Стратегия партнерства // Международная жизнь. 1994. № 5. С. 9.

отвлекающей человечество от решения общих созидательных задач⁹. По мнению К. Райс, будущее международных отношений должно строиться на основе единства ценностей, а не на основе баланса сил. Разумеется, эта риторика была призвана обосновать закрепление «однополярного момента» как оптимальной модели мировой политики на максимально длительный исторический период, желательно — навсегда (т.н. «доктрина Вулфовица»).

Китайские историки, со своей стороны, вправе заявить о своем варианте многополярности — доцзихуа — сложившемся в начале 90-х гг. прошлого века и восходящем к теоретическому наследию Мао Цзэдуна. В Китае были сформулированы оригинальные представления об особенностях перехода от однополярного мира к многополярному через «гибридную» структуру мировой политики, сочетающую элементы как прошлого, так и будущего мироустройства. Седьмой министр иностранных дел КНР Цянь Цичэн констатировал: «Мир еще находится в переходной фазе, и новая модель еще не сформировалась полностью, но уже обозначились контуры структуры международных отношений, в которой одна сверхдержава и несколько великих держав находятся в отношениях взаимозависимости и борьбы... это и есть начальный период эволюции системы к многополярности»¹⁰.

Независимо от того, как именно мы датируем рождение концепции многополярности и кому отдаем лавры первооткрывателя, очевидно, что эта концепция — не изобретение последних лет, а интеллектуальный продукт прошлого века. Казалось бы, за те десятилетия, которые прошли со времени ее выдвижения, многополярность должна была бы проделать эволюцию от концепции до полноценной теории. Что касается политической практики, то интуиция подсказывает, что за несколько десятилетий многополярный мир должен был бы окончательно оформиться в виде новой системы мировой политики — со своими нормами, институтами и процедурами¹¹.

Однако, как представляется, ни того, ни другого пока не произошло. Концепция многополярности — по крайней мере, в российском официальном дискурсе — остается эклектичным набором общих политических утверждений и рефлексией по поводу важных, но все-таки частных тенденций мирового развития. Эта концепция используется ситуативно, в разных случаях на первый план выдвигаются различные проявления увеличения геополитического, геостратегического или геоэкономического плюрализма. В то же время многополярность как неизбежное и желательное состояние международной системы (новый мировой порядок) отодвигается на все более отдаленное будущее.

⁹ Райс К. Полюс свободы и справедливости // Россия в глобальной политике. 2003. № 3.
URL: https://globalaffairs.ru/number/n_1564

¹⁰ Suisheng Zhao. Beijing's Perceptions of the International System and Foreign Policy Adjustment after the Tiananmen Incident // Chinese Foreign Policy. Pragmatism and Strategic Behavior. New York: East Gate Book. 2004. P. 142.

¹¹ В статье С.В. Лаврова «Настоящее и будущее глобальной политики: взгляд из Москвы», опубликованной в журнале «Россия в глобальной политике» спустя десятилетие после статьи Е.М. Примакова в «Международной жизни», о многополярности уже говорится как о свершившемся факте: «Опыт последних шести лет (по-видимому, подразумевается период 2000–2006 гг. — прим. автора) убедительно показывает, что любые попытки обойти реальность многополярного мира оборачиваются провалом».
URL: https://globalaffairs.ru/number/n_8385

Более того, есть основания утверждать, что в последние годы, на фоне существенного ухудшения отношений с Западом и в контексте усиления идеологической составляющей в российской внешней политике, концепция многополярности все более явно эволюционирует в сторону старых биполярных воззрений на мировую политику, унаследованных от Советского Союза — с поправкой на новые реалии международной жизни конца второго десятилетия XXI века.

Такая эволюция, на наш взгляд, содержит в себе существенные потенциальные вызовы для позиционирования России в формирующейся системе международных отношений, а также тормозит становление российской теории международных отношений. В данной работе автором предпринимается попытка обозначить наиболее очевидные методологические проблемы, связанные с развитием концепции многополярности, выявить ее внутренние противоречия, соотнести многополярный и биполярный взгляды на мир, а также обратить внимание на альтернативную концепцию для описания будущего мирового порядка — концепцию многосторонности¹².

Основные выводы, сделанные автором по итогам анализа российских нарративов эволюции мирового порядка за последние два десятилетия, сводятся к следующему:

- Концепция многополярности на протяжении последних двадцати лет так и не приобрела большинства функций полноценной научной теории (организация и обобщение знаний, фокусирование, прояснение наблюдаемого, организация наблюдения, функция предсказания, эвристическая функция, коммуникативная функция, нормативная функция, генеративная функция)¹³;
- Остается неясной система индикаторов, по которым можно было бы достоверно судить о прогрессе (регрессе) в продвижении международной системы в направлении многополярности; точно так же нет достоверных прогнозов о сроках завершения процесса перехода от однополярного мира к миру многополярному;
- Концепции «гибридных» систем, сочетающих в себе элементы однополярных и многополярных концепций («плюралистическая однополярность», «асимметричная многополярность»), не стали предметом последовательного критического анализа и теоретического развития;
- Исторический опыт существовавших ранее многополярных систем (в первую очередь, системы отношений между великими державами Европы в 1814–1913 гг.) не может быть использован в качестве основы для современных теорий многополярности в силу глубоких различий в социально-экономическом и политико-идеологическом контекстах;

¹² В обобщенном виде автор изложил свои взгляды на проблему в статьях: Кортунов А.В. Неизбежность странного мира // РСМД. 15.07.2016. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/neizbezhnost-strannogo-mira/>; Кортунов А.В. Почему мир не становится многополярным? // РСМД. 27.06.2018. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym/>

¹³ Littlejohn S.W. Theories of Human Communication // Belmont, Calif.: Wadsworth Publishing Company. 1994. Pp. 28–29.

- Пока не прояснены движущие силы и механизмы возможной консолидации возникающих «полюсов» в рамках многополярной системы; взаимное притяжение «ядра» и периферии «полюса» во многих случаях оказывается умозрительной гипотезой, не подтвержденной эмпирически;
- В российском внешнеполитическом дискурсе последних лет наблюдается постепенное возвращение от общепринятой ранее многополярности к старым советским биполярным нарративам, претерпевающим самые разнообразные методологические трансформации;
- Попытки сочетания биполярных и многополярных подходов к описанию международных отношений являются малопродуктивными в силу принципиально различных и методологически несовместимых основ двух подходов;
- Перспективным направлением развития российской теории международных отношений могла бы стать концепция многосторонности, которая, несмотря на некоторое фонетическое сходство, семантически существенно отличается от концепции многополярности.

Основной использованный автором материал почерпнут из официальных российских нарративов — выступлений, интервью и статей российского руководства, а также официальных документов, касающихся внешней политики России. Содержащиеся в работе цитаты и ссылки на исследования российских специалистов, занимающихся проблемами теории международных отношений, не претендуют на полноту и, в значительной мере, являются иллюстративными.

Автор также заранее признает схематичность, спорность и недостаточную проработанность многих содержащихся ниже положений и предлагает рассматривать данную работу исключительно как призыв к активной экспертной дискуссии по вопросам модальностей будущего мирового порядка, а также желаемого (и практически достижимого) места России в этом порядке.

Концепция, не ставшая теорией

Ровно через 20 лет после публикации программной статьи Евгения Примакова в «Международной жизни», выступая на ежегодной встрече Валдайского клуба в Сочи в октябре 2016 г., президент Владимир Путин заметил: «Мне бы очень хотелось, [...] чтобы мир действительно стал многополярным, и чтобы учитывались мнения всех участников международного сообщества»¹⁴. А за полгода до этого, говоря о роли США в международных отношениях, он подчеркнул: «Америка — великая держава. Сегодня, наверное, единственная супердержава. Мы это принимаем»¹⁵. То есть, хотя многополярный мир и является желательной для российского руководства моделью миропорядка, в настоящее время говорить об окончательном преодолении «однополярного момента» было бы преждевременным.

Министр иностранных дел России Сергей Лавров, следуя общей логике и даже стилистике нарратива Евгения Примакова двадцатилетней давности, также говорил о начале процесса перехода к многополярности, отодвигая завершение этого процесса на неопределенное будущее: «...смена эпох — это всегда очень длительный период, это будет продолжаться еще длительное время»¹⁶.

В качестве основного осложняющего обстоятельства С.В. Лавров выделял упорное сопротивление приверженцев старого мироустройства: «Этому процессу пытаются активно препятствовать, препятствуют прежде всего те, кто ранее доминировал в мире, кто хочет свое доминирование сохранить и в новых условиях, а по большому счету навечно»¹⁷. В одном из своих последних выступлений российский министр еще раз подчеркнул, что процесс перехода к многополярному миру займет «несколько десятилетий» и конечный результат этого процесса нельзя считать уже предрешенным¹⁸.

Представление о переходе от биполярности через однополярность к полицентризму как о протяженном процессе, а не как о свершившемся факте, зафиксировано и во многих официальных документах, относящихся к российской внешней политике и национальной безопасности. Сошлемся, например, на действующую Концепцию внешней политики Российской Федерации 2016 г., в которой говорится: «Современный мир переживает период глубоких перемен, сущность которых заключается в формировании поли-

¹⁴ Выступление В.В. Путина на ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». 27.10.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53151>

¹⁵ Выступление В.В. Путина на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума. 17.06.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52178>

¹⁶ Сергей Лавров на встрече с участниками Всероссийского молодежного образовательного форума «Территория смыслов на Клязьме». 11.08.2017. URL: <https://tass.ru/politika/4477015>

¹⁷ Там же.

¹⁸ Становление полицентричного мира займет десятилетия — Лавров // Независимая газета. 25.02.2019. URL: <http://www.ng.ru/news/640835.html>.

центричной международной системы. Структура международных отношений продолжает усложняться. В результате процесса глобализации складываются новые центры экономического и политического влияния. Происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития...»¹⁹.

Согласно широко распространенному сегодня российскому нарративу, новый мировой порядок постепенно «прорастает» сквозь ветшающую ткань старой однополярности; в мире идет медленное и неравномерное развитие новых тенденций, режимов и институтов, которое, в конечном счете, должно привести к качественным изменениям мирового порядка. Общее движение в сторону многополярности не исключает периодов «временной стабилизации» старой, преимущественно однополярной системы. Однако развитие международной системы в направлении многополярности является объективным процессом; нынешние противники многополярного мира рано или поздно будут вынуждены смириться с его приходом.

Данный нарратив является по-своему логичным и последовательным, но оставляет открытыми целый ряд важных вопросов.

Во-первых, относительно растянутого во времени перехода от одной системы к другой. Исторический опыт последних столетий не дает примеров постепенного, длительного и относительно безболезненного процесса смены старого мирового порядка новым. И в 1555 г. (Агсбургский мир), и в 1648 г. (Вестфальская система), и в 1815 г. (Европейский концерт), и в 1919 г. (Версальский мир), и в 1945 г. (Ялтинско-Потсдамская система) смена миропорядка осуществлялась не эволюционными, а сугубо революционными (силовыми) методами, была крайне сжата во времени и сопряжена с предшествовавшими масштабными вооруженными конфликтами. Новые миропорядки, как правило, строились победителями и в интересах победителей.

Конечно, допустимо предположить, что опыт прошлого не обязательно применим к условиям XXI века. Но сам алгоритм возможного перехода «количества в качество», то есть механизм трансформации множества частных, ситуативных, инкрементальных изменений в системный сдвиг глобального уровня (тем более — сдвиг от однополярности к многополярности) исторических прецедентов не имеет и остается неясным.

Заслуживают внимания идеи российского исследователя А.В. Фененко относительно того, что могло бы стать катализатором перехода от «однополярного момента» к многополюсному миру: «Как, собственно, мог бы выглядеть коллапс однополярного мира? Наиболее вероятный сценарий — поражение Соединенных Штатов в крупной региональной войне. Тонущие американские авианосцы и эсминцы, сбитые американские самолеты, американские крылатые ракеты, ставшие трофеем победителя, сотни погибших американских солдат и бессильно мечущийся президент США — вот наиболее яркая картина конца однополярности. Другой сценарий — тяжелый внутривнутриполитический кризис в США по образцу кризиса СССР 1989–

¹⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации. 30.11.2016. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451>

1991 г., ведущий к отделению ряда штатов и выводу американских войск с территорий союзников. Третий сценарий — начало мощного экономического кризиса в США, сопоставимого с Великой депрессией 1929–1933 гг., который повлечет за собой крах экономической глобализации и возвращение в мир национально-ориентированных экономик. Но в любом случае это должно быть событие, кардинально ослабляющее США и меняющее соотношение сил в мире»²⁰.

Как мы видим, «переход количества в качество» так или иначе предполагает масштабный катаклизм, т. е. варианта плавного и относительно безболезненного перехода к новому миропорядку не просматривается. Заметим также, что описываемые А.В. Фененко сценарии завершения «однополярного момента» содержат в себе огромные и слабо просчитываемые риски не только для самих Соединенных Штатов, но и для всех остальных игроков мировой политики.

Во-вторых, если принять как данность то, что переход к многополярному миру станет исторически длительным процессом, растянутым, скажем, на пять десятилетий (условно — 1995–2045 гг.)²¹, то из этого следует неутешительный вывод о том, что до середины нынешнего столетия человечество будет вынуждено пребывать в «серой зоне» между старым и новым миропорядком. Такая «серая зона» представляет собой явно не слишком комфортное и не слишком безопасное место, в котором легко спрогнозировать отсутствие четких правил игры, понятных и общепризнанных принципов функционирования международной системы, многочисленные конфликты между формирующимися «полюсами»²².

Но дело даже не в конфликтности как таковой, а в том, какие именно механизмы позволят ее преодолеть. Цитируя известное высказывания В.И. Ленина, «прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться». Для последующего воссоединения мира на новой основе, человечеству, по всей видимости, придется пройти через период распада деградирующей старой системы на отдельные фрагменты и самозамыкание «полюсов» в своих региональных или континентальных подсистемах с целью внутренней консолидации каждого из «полюсов».

Собственно, именно этот распад и признаки грядущего самозамыкания мы и наблюдаем сегодня. Предположим даже, что А.В. Фененко сгущает краски, и распад однополярного мира пройдет относительно гладко и бесконфликтно — что, разумеется, уже является весьма вольным допущением.

²⁰ Фененко А. Что нужно для многополярности? // РСМД. 6.07.2018.

URL: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/chto-nuzhno-dlya-mnogopolyarnosti/>

²¹ Е.М. Примаков не пытался разработать какую-то детальную «дорожную карту» перехода от старого миропорядка к новому. Но его последние работы позволяют заключить, что он предполагал, что многополярность должна в основном сложиться к концу второго — началу третьего десятилетия XXI века. См.: Примаков Е.М. Мысли вслух. М.: Российская газета. 2011.

²² Мы оставляем за скобками вопрос о том, насколько даже «зрелая» многополярность способна обеспечить международную стабильность и безопасность. Этот вопрос является предметом оживленных дискуссий, и положительный ответ на него очевиден далеко не всем.

Проводя несколько рискованную историческую аналогию, сравним нынешний период в мировой политике с переходом от эпохи раннефеодальных «однополярных» европейских государств (империя Карла Великого, Киевская Русь) к периоду феодальной раздробленности. Не вполне понятно, на каком этапе и в каких форматах будет происходить процесс, подобный восстановлению централизации позднего феодализма. На какой основе будет восстановлено утраченное единство мировой системы, и что послужит катализатором этого восстановления?

Иными словами, что станет стимулом для того, чтобы общесистемные интересы возобладали над национальным партикуляризмом? Крупный вооруженный конфликт? Глобальный ресурсный дефицит? Новая «Великая депрессия»? Драматические изменения климата? Масштабный террористический акт с использованием ядерного оружия? Вышедший из-под контроля человека искусственный интеллект? Во всяком случае, современный российский дискурс убедительного ответа на этот вопрос не дает.

В-третьих, — и это, пожалуй, самое главное — есть ли вообще объективные основания утверждать, что мир пусть медленно, пусть непоследовательно, пусть рывками, но все же движется в направлении многополярности? Располагаем ли мы каким-то достоверным набором индикаторов, позволяющих проводить замеры скорости и устойчивости этого движения²³? И можно ли, например, достоверно заключить, что сегодня Европейский союз ближе к роли полноценного и независимого глобального «полюса», чем он был, скажем, 10 лет назад? Что к статусу такого коллективного «полюса» за последнее десятилетие существенно приблизились Африка, Ближний Восток или Латинская Америка? Что в ходе расширения ШОС повысилась способность этой группировки выступать на международной арене с консолидированных позиций?

Десять лет назад Е.М. Примаков писал: «Несомненно, что число полюсов не законсервируется на нынешнем уровне, будут формироваться новые. Например, все чаще говорят о быстром экономическом росте Бразилии, Южной Африки. Будут развиваться интеграционные процессы в Латинской Америке, Азии, Африке и на Ближнем Востоке, образуя новые «групповые» центры мировой экономики и политики»²⁴. Прошедшее десятилетие не подтвердило этих прогнозов. Скорее, наоборот — во втором десятилетии XXI века наблюдалось обострение «внутри-региональной» конкуренции в значительной части мировой «периферии», в том числе и за наиболее выгодные условия подключения к мировому «ядру».

Даже Индия, которая традиционно рассматривалась в качестве одного из наиболее перспективных самостоятельных полюсов в грядущей многополярности, на протяжении последних десяти лет устойчиво и последова-

²³ Данные самого общего характера (темпы экономического роста отдельных стран мира, изменения демографической картины мира, динамика военных расходов и пр.), как представляется, не могут служить достоверными индикаторами продвижения международной системы в направлении многополярности.

²⁴ Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: «Российская газета». 2009. С. 12.

тельно двигалась в направлении более тесного сотрудничества с Соединенными Штатами. Когда в Дели говорят о вызовах национальной безопасности и национальным интересам Индии, то указывают отнюдь не на «однополярный» мир Запада, а на внешнеполитические амбиции Китая и его партнера в Южной Азии в лице Пакистана²⁵.

Еще более показателен пример Бразилии, которая после выборов в октябре 2018 г. и прихода к власти правого кандидата и поклонника Дональда Трампа популиста Жаира Болсонару существенно поменяла свои внешнеполитические приоритеты. Многие эксперты считают, что такая переориентация, наряду с устойчивым движением Индии в сторону США и возросшими политическими рисками в ЮАР, ставит под вопрос не только будущую многополярность, но даже сохранение достигнутого к данному моменту уровня взаимодействия между странами — членами БРИКС.

Фактически, если исключить из картины современного мира стремительный взлет Китая и очевидное обострение китайско-американских отношений в последние годы, от декларируемой «глобальной» тенденции к многополярности мало что остается. Но китайско-американское противостояние, даже если оно будет и дальше углубляться, совсем не обязательно должно иметь своим следствием формирование «зрелого» многополярного мира; оно вполне способно привести мир к совсем другим системам международных отношений.

Если же на вопросы о динамике внешнеполитических устремлений большинства регионов мира пока нет однозначных и эмпирически верифицируемых ответов, то мы, наверное, и не вправе заявить, что мир устойчиво движется в направлении многополярности. «Никто всерьез не бросает вызов либеральному миропорядку или США как единственной сверхдержаве, — отмечает российский международник В.В. Сутырин. — Но каждый по-своему пытается защищать свои позиции в регионах стратегических интересов. Достаточно ли этого, чтобы провозгласить крушение старого мирового порядка? Очевидно, что нет»²⁶.

В российском дискурсе, в частности, отмечается разнонаправленность военно-политических и финансово-экономических трендов: если первые указывают на движение в сторону многополярности, то вторые, напротив, свидетельствуют об устойчивости «однополярного момента»²⁷. Еще менее ясной и более противоречивой картина становится при попытках учитывать технологические, научно-образовательные, социально-культурные и иные измерения современных международных отношений. Многополярность, таким образом, оказывается всего лишь агрегированным образом желаемого мирового порядка, к тому же пока прорисованным самыми тонкими пунктирными линиями.

²⁵ Проблему возможных последствий противостояния Индии и Китая для будущего евразийского порядка автор рассматривал в: Картунов А.В. Индо-Пацифика или Сообщество единой судьбы? // РСМД. 28.05.2018. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indo-patsifika-ili-soobshchestvo-edinoy-sudby/>

²⁶ Сутырин В.В. Где искать альтернативу либеральному мировому порядку? // Международные отношения: рациональный мировой порядок? РСМД. Рабочая тетрадь № 34. М. 2016. С. 30.

²⁷ См.: Тимофеев И.Н. Политическая многополярность против экономической однополярности? Итоги 2018-го и интриги 2019 года. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/politicheskaya-mnogopolyarnost/>

Обманчивость исторических параллелей

Приверженцы многополярности любят ссылаться на исторический опыт «Европейского концерта» или Венской системы международных отношений, созданной в Европе в начале XIX в. по итогам Наполеоновских войн²⁸. Эта конструкция действительно была в значительной мере многополярной²⁹ и помогала сохранять мир в Европе на протяжении длительного времени. Историки спорят, когда эта система была разрушена — в 1853 г. (Крымская война), в 1871 г. (франко-прусская война) или все-таки в 1914 г. (Первая мировая война). В любом случае XIX столетие после 1815 г. для европейцев оказалось относительно мирным, особенно на фоне последовавшего катастрофического XX века.

Можно ли в принципе повторить опыт «Европейского концерта» два столетия спустя — и на этот раз не в европейском, а в глобальном масштабе? Или хотя бы использовать модель «Европейского концерта» для описания желательной системы международных отношений в XXI веке?

Начнем с того, что участники «Европейского концерта», являясь очень разными государственными образованиями, все же были сопоставимыми по основным параметрам силы и влияния — военным, политическим, экономическим. Космополитическая европейская элита оставалась в целом однородной (а европейские монархии XIX века вообще представляли, по сути, единую семью), говорила на одном языке (французском), исповедовала одну религию (христианство) и находилась в целом в рамках единой культурной традиции (европейское Просвещение). Еще более важно то, что принципиальных, непримиримых разногласий относительно желательного будущего европейской политики между участниками «Европейского концерта» не было; по крайней мере, до стремительного возвышения Пруссии и последующего объединения Германии.

Сегодня положение совершенно иное. Потенциальные участники многополярной системы фундаментально неравновесны. При этом по большинству параметров Соединенные Штаты имеют больший вес в современной международной системе, чем имела Британская империя в европейской политике XIX столетия. И дело здесь не только и не столько в размерах американского ВВП. Значительно более важно то, что США занимают центральное место в валютно-финансовой системе мира, в главных мировых технологических цепочках, в глобальных научно-образовательных сетях и пр. При том, что мир XXI века несравненно более интегрирован и взаимозависим, чем мир XIX века. За последние годы центральное место Амери-

²⁸ Никонов В.А. Назад, к Концерту // Россия в глобальной политике. 2002. № 1.
URL: https://globalaffairs.ru/number/n_15

²⁹ Хотя иногда история XIX века трактуется как история преимущественно биполярного противостояния Российской и Британской империй.

ки было закреплено и в сфере мировой энергетики, где в ходе т.н. «сланцевой революции» США захватили функцию основного регулятора глобальных цен на углеводородные ресурсы.

Над проблемой неравновесности многополярного баланса XXI века настойчиво бились многие российские международники, результатом чего стало появление многочисленных «гибридных» концепций, в чем-то перекликающихся с аналогичными китайскими конструкциями — от «плюралистической однополярности»³⁰ до «асимметричной многополярности»³¹. Однако, особенности правил игры в явно неравновесной системе оставались неясными, а сама система в большинстве случаев рассматривалась как переходная, постепенно эволюционирующая в направлении «зрелой» (и, следовательно — более устойчивой) многополярности.

Положение осложняется и тем, что мировая элита крайне неоднородна — глубокие расхождения культурных архетипов и базовых ценностей бросаются в глаза. В XIX веке разногласия между участниками «концерта» касались, главным образом, конкретных вопросов европейской политики, способов ручной настройки сложного европейского механизма. В XXI веке разногласия между великими державами затрагивают основы миропорядка, базовые понятия международного права и даже еще более общие вопросы — представления о справедливости, легитимности, о «больших смыслах» истории³².

Социально-культурная гомогенность европейской правящей аристократии, как справедливо отмечает российский исследователь В.И. Батюк, имела своим следствием «беспрецедентно высокий уровень взаимного доверия правящих элит тогдашней Европы»³³. И далее, применительно уже к современной международной системе: «Компенсацией отсутствия вышеотмеченной социально-культурной гомогенности стал рост значения международного права и международных организаций в современном мире»³⁴. Если с первым утверждением автора нельзя не согласиться, то тезис о «компенсационной» роли международного права представляется весьма спорным: события последних лет наглядно демонстрируют возрастающую хрупкость международно-правовых норм и соответствующих институтов в условиях стремительного снижения уровня доверия между основными глобальными игроками.

С другой стороны, успешное функционирование «Европейского концерта» было в значительной степени обусловлено его гибкостью. Великие европейские державы могли позволить себе роскошь оперативно менять конфигурации союзов, коалиций и альянсов, чтобы поддерживать общее рав-

³⁰ Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. 1996. № 2. С. 25–36.

³¹ Торкунов А.В. Международные отношения после косовского кризиса // Международная жизнь. 1999. № 12. С. 45–52.

³² Отвечая приверженцам системы международных отношений XIX века, В.В. Путин в своем выступлении на совещании с послами и постоянными представителями Российской Федерации 27 июня 2006 года заявил: «...Мы ни в каких «священных союзах» участвовать не будем». Вероятно, в этом заявлении отразилось понимание российским лидером ограниченности точек соприкосновения России и ее западных партнеров. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23669>

³³ Батюк В.И. Постбиполярная ретроспектива мирового порядка // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 2. С. 85.

³⁴ Там же.

новесие системы. Например, Франция была одним из основных противников России во время Крымской войны. А уже через год после подписания Парижского мира 1856 г. началось активное российско-французское сближение, которое привело к окончательному разрыву России с Австрией и к поражению последней в конфликте с Францией в 1859 г.

Представимы ли сегодня проявления подобной гибкости? Можно ли предположить, что Россия способна в течение двух-трех лет сменить нынешнее партнерство с Китаем на альянс с Соединенными Штатами? Или что Европейский союз, столкнувшись с растущим давлением со стороны США, переориентируется на стратегическое сотрудничество с Москвой? Такие предположения выглядят как минимум маловероятными, как максимум — абсурдными. Увы, современные лидеры великих держав лишены той степени гибкости, которая совершенно необходима для поддержания устойчивого многополярного миропорядка.

Завершая краткий исторический экскурс, зададимся еще одним любопытным вопросом. Почему Венский конгресс 1814–1815 гг. породил стабильный европейский порядок, а Версальский мирный договор 1919 г. утратил свое значение уже через полтора десятилетия после подписания? Почему участники антифранцузской коалиции смогли продемонстрировать благородство и великодушие по отношению к своему бывшему противнику, а участники антигерманской коалиции — нет? Потому ли, что Жорж Клемансо, Дэвид Ллойд Джордж и Вудро Вильсон были глупее или кровожаднее, чем Александр I, Клеменс Меттерних и Шарль-Морис Талейран?

Конечно же, нет. Просто «Европейский концерт» создавался преимущественно монархами-автократами, а Версальский мир — лидерами западных демократий. Последние куда больше зависели от общественных настроений в своих странах, чем их предшественники столетием раньше. А настроения обществ, прошедших через четыре года страданий, невиданных ранее лишений и потерь, требовали «наказать немцев» в максимально жесткой и бескомпромиссной форме. Что в итоге победители и сделали, тем самым запустив механизм подготовки новой бойни глобального масштаба³⁵. Понятно, что за последние 100 лет зависимость политиков от малейших флуктуаций общественного мнения возросла еще больше. И шансы на повторение примеров великодушия Александра I и прозорливости К. Меттерниха сегодня, к сожалению, невелики. Перефразируя слова классика, можно констатировать, что «политический популизм и многополярность — две вещи несовместные».

Существует множество других параметров современной международной системы, не имеющих аналогов или параллелей в «Европейском концерте» — усиление роли негосударственных организаций, фактор ядерного оружия, давление глобальных проблем и пр. Все они делают неубедительной апелляцию к «классической» многополярности как к оптимальной модели будущего мироустройства.

³⁵ «14 пунктов» Вильсона сто лет спустя: как переизобрести мировой порядок // Центр стратегических исследований. М. 2018. URL: <https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/01/Report-Wilson-Web-RU.pdf>

Сложности консолидации полюсов

Что такое «полюс» или «центр силы» в новом многополярном мире, с точки зрения российских сторонников многополярности? Ведь далеко не каждое государство мира и даже не любая коалиция государств вправе претендовать на позицию отдельного «полюса» в международной системе. И сколько таких «полюсов» в мире могло бы сложиться в обозримой перспективе? От их общего числа в значительной степени зависит и механизм формирования нового мирового порядка. Если речь идет о десятке «полюсов», то логично начать конституировать новые «полюса» путем расширения состава постоянных членов Совета Безопасности ООН. Как пишут российские эксперты П.В. Стегний и А.М. Крамаренко, «число постоянных членов могло бы возрасти до одиннадцати. Евро-Атлантика (и Северная Америка, Австралия и Новая Зеландия) уже достаточно представлена Соединенными Штатами и Россией. Место Лондона и Парижа можно преобразовать в кресло объединенной Европы, что решало бы сразу две проблемы — представительства в Совете Германии и избыточного присутствия европейской цивилизации. Азия (помимо Китая) могла бы делегировать Индию и Индонезию, последнюю, в том числе как наиболее населенную мусульманскую страну. В Африке претенденты ЮАР и Нигерия (отсутствует в «Большой двадцатке» (G20)), а в Латинской Америке — Бразилия и Аргентина (Мексика связана САЗСТ с США и Канадой). Арабо-исламский мир и Ближний Восток вполне мог бы представлять Египет (также отсутствует в «Большой двадцатке» (G20)). Число непостоянных членов осталось бы на уровне 10 при общей численности Совета в приемлемом для всех размере — 21 государство»³⁶. Хотя не совсем понятно, как за счет увеличения числа постоянных членов в целях адекватного «отражения культурно-цивилизационного многообразия мира» можно добиться повышения управляемости мировой системы. Логика подсказывает, что практические результаты такого расширения Совбеза, и так в значительной мере парализованного, окажутся прямо противоположными.

Если предполагается, что число «полюсов» составит два десятка и более, то механизмом «легитимации» таких «полюсов», по всей видимости, должна выступить «Большая двадцатка». Хотя и здесь возникают многочисленные вопросы — и не только в связи с амбивалентностью международного статуса «двадцатки», но и с тем, что в «двадцатке» устойчивость «однополярного момента» проявляется гораздо более зримо, чем в СБ ООН. У российского руководства нет иллюзий относительно возможности превратить G20 в орган, принимающий ключевые решения даже в экономической сфере. Весьма характерным выглядит комментарий В.В. Путина, сделанный им

³⁶ Стегний П.В., Крамаренко А.М. Ложная альтернатива // Россия в глобальной политике. 2018. № 4. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Lozhnaya-alternativa-19670>

накануне австралийского саммита «Большой двадцатки» в ноябре 2014 г.: «Ну, например, на одной из «двадцаток» было принято решение об усилении роли развивающихся экономик в деятельности МВФ, о перераспределении квот. Конгресс США заблокировал это решение, и всё. И переговорщики, наши партнёры, говорят: ну, мы бы рады, мы же подписали, мы приняли это решение, но Конгресс не пропускает. Вот вам и все решения»³⁷.

Некоторые авторы полагают, что «полюсом» вообще не может быть отдельное государство, но только самостоятельная цивилизация: «Полюс многополярного мира — это цивилизация + большое пространство (то есть культурное единство, привязанное к определенному территориальному признаку). Полюс — это культура + могущество. Полюс — это идентичность (культурная самобытность) + суверенитет (способность защитить самобытность)»³⁸.

Но в конечном счете цивилизация реализует себя в мировой политике главным образом через деятельность государств и значительно реже — через наднациональные объединения (Европейский союз или, в какой-то мере — АСЕАН). «Цивилизационная идентичность, — справедливо замечает российский исследователь И.Н. Тимофеева — предмет манипуляций и конструирования, которое осуществляет все то же государство. Либо это силы, которые хотят разрушить конкретное государство и создать на его месте новое. Этот простой тезис делает цивилизационную теорию для международных отношений отчасти лишней сущностью»³⁹. Поэтому априори предполагается, что «ядром» стандартного цивилизационного полюса в большинстве случаев является великая держава (США, Россия, Китай, Индия, Бразилия), вокруг которой в том или ином формате группируются малые и средние страны.

По мнению сторонников многополярности, подавляющее большинство существующих национальных государств попросту не способны самостоятельно обеспечить даже собственную безопасность и экономический рост, не говоря уже о каком-то существенном вкладе в формирование нового миропорядка⁴⁰. Таким образом, как в современном переходном, так и в будущем многополярном мире лишь горстка стран обладает «настоящим суверенитетом», а все остальные так или иначе этим суверенитетом жертвуют — во имя безопасности, процветания, а то и просто банального выживания.

Весьма красноречиво изложил такой взгляд на мир президент В.В. Путин в своем выступлении на Петербургском международном экономическом форуме 2 июня 2017 г.: «Повторяю, в мире не так много стран, которые обладают суверенитетом. Россия очень дорожит тем, что мы этим суверенитетом обладаем. Но не как игрушкой. Суверенитет нужен для защиты

³⁷ Путин В.В. Интервью информационному агентству ТАСС. 14.11.2014.
URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47009>

³⁸ Дугин А.Г. Китайская Мечта: от робкой гегемонии к многополярному миру.

URL: <https://www.geopolitica.ru/article/kitayskaya-mechta-ot-robkoy-gegemonii-k-mnogopoljarnomu-miru>

³⁹ Тимофеев И.Н. Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений // РСМД. Рабочая тетрадь № 18, М. 2014. С. 17.

⁴⁰ Дугин А. Г. Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение. 2013. С. 16–19.

интересов и для собственного развития. Индия обладает суверенитетом... Но таких стран, как Индия, не так уж и много в мире. Это правда, просто мы должны это иметь в виду. Индия такая страна, Китай такая страна, я сейчас не буду перечислять — есть ещё страны, но их немного»⁴¹. Если основа «полюса» мирового уровня — «настоящий суверенитет», то в ходе утверждения «зрелой» многополярности количество активных (полноценных) субъектов мировой политики сокращается на порядок за счет отсева «не вполне суверенных» игроков. В свою очередь, это позволяет упростить и упорядочить отношения между «полюсами» и, как следствие — повисить управляемость глобальной системы в интересах всех ее активных субъектов и пассивных объектов.

Но если в традиционных системах великие державы в большинстве случаев могли в целом успешно контролировать зависящие от них малые и средние страны (хотя из этого общего правила было немало исключений), да и количество последних было относительно небольшим, то в XXI веке ситуация изменилась самым кардинальным образом. Сегодня в мире существуют около двухсот государств — членов ООН, а ведь есть еще и непризнанные государства, и негосударственные игроки мировой политики. Получается, что абсолютному большинству участников международных отношений в новом многополярном мире уготовлена незавидная роль статистов или наблюдателей. При том, что принимаемые основными игроками решения будут самым непосредственным образом затрагивать фундаментальные интересы всех остальных игроков.

Даже если оставить за скобками морально-этическую ущербность такого мироустройства, возникают серьезные сомнения в осуществимости подобного проекта. Особенно в условиях нарастания проблем в действующих военно-политических и экономических объединениях и резкого подъема национализма, затрагивающего не только великие державы, но также малые и средние страны.

Наверное, с точки зрения сторонников многополярности, «полюса» нового мирового порядка будут складываться естественным образом, малые и средние страны должны включаться в «центры силы» не по принуждению, а в силу географической близости, экономической целесообразности, общей истории, схожести культуры и пр. В продвижении интеграционных процессов на территории бывшего СССР российское руководство апеллирует в первую очередь к логике экономической целесообразности. В.В. Путин пишет в своей статье в газете «Известия»: «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом. ... Сложение природных ресурсов, капиталов, сильного человеческого потенциала позволит Евразийскому союзу быть конкурентоспособным в индустриальном мире».

⁴¹ Выступление В.В. Путина на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума. 2.06.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54667>

стриальной и технологической гонке, в соревновании за инвесторов, за создание новых рабочих мест и передовых производств. И наряду с другими ключевыми игроками и региональными структурами — такими как ЕС, США, Китай, АТЭС — обеспечивать устойчивость глобального развития... Наш интеграционный проект выходит на качественно новый уровень, открывает широкие перспективы для экономического развития, создает дополнительные конкурентные преимущества. Такое объединение усилий позволит нам не просто вписаться в глобальную экономику и систему торговли, но и реально участвовать в процессе выработки решений, задающих правила игры и определяющих контуры будущего»⁴².

Эту же мысль развивает и С.В. Лавров, еще больше раздвигая пределы потенциального российского «полюса»: «Одним из полюсов многополярного мира, без всякого сомнения, будет Россия, которая будет объединять вокруг себя союзников, прежде всего, соседей, в том числе в рамках проекта Большой Евразии, который предложил Президент России В.В. Путин и который предполагает развитие связей между ЕАЭС и евразийской интеграцией вообще, между этой интеграцией и китайской инициативой «Один пояс — один путь» с вовлечением ШОС, государств — участников АСЕАН. У нас один континент, и почему бы в перспективе не распространить эти процессы и на ЕС, который все больше начинает понимать, что в одиночку, без партнерства с Россией, Европейский союз будет последовательно терять свое влияние в экономике и мировой политике»⁴³. Правда, из этого выступления не совсем понятно, где, собственно, находятся границы именно российского «полюса» и начинается пространство других евразийских «полюсов» — китайского, европейского и т. д.

Однако, даже и в традиционных системах принцип «естественного притяжения» соседних стран работал редко. Франкоязычная Фландрия на протяжении веков отбивалась от навязчивого покровительства Парижа, Португалия не менее долгое время стремилась дистанцироваться от близкой к ней Испании, Польша привычно бунтовала против принадлежности к славянскому единству в границах Российской империи, а Вьетнам на протяжении многих веков почему-то так и не смог оценить все преимущества принадлежности к китайскому «полюсу».

Еще более отчетливо эта тенденция проявляется сегодня. Достаточно сослаться на состояние отношений между Россией и некогда «братской» Украиной или на династические разборки между не менее «братскими» Саудовской Аравией и Катаром. Историческая и культурная близость между Индией и Пакистаном очевидна, но не менее очевидно и глубокое взаимное недоверие, и даже враждебность между двумя странами.

⁴² Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 3.10.2011, URL: <https://iz.ru/news/502761>

⁴³ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на панельной дискуссии «Общество и мировая политика» в рамках XIX Всемирного фестиваля молодежи и студентов, Сочи. 16.10.2017.
URL: http://www.mid.ru/web/guest/problematika-bassejna-kaspijskogo-mora/-/asset_publisher/FXOKRdXqTkSj/content/id/2904168.

Многие другие государства Южной Азии, которые вроде бы должны были органично и безболезненно интегрироваться в индийский «центр силы», предпочитают развивать отношения с Китаем как в экономике, так и в сфере безопасности. Пока не удастся включить силы «естественного притяжения» ни в Африке, ни в Латинской Америке. Происходящий на наших глазах крайне болезненный процесс выхода Великобритании из Европейского Союза — еще одно свидетельство в пользу того, то даже долговременное пребывание в рамках весьма демократического интеграционного объединения не создает гарантий от разрушительной работы глубинных центробежных сил, способных перевесить как соображения экономической целесообразности, так и общность базовых ценностей и политических практик. Об этом же говорит и подъем шотландского, каталонского, северо-итальянского и других европейских сепаратизмов.

Современная система мировой политики, в отличие от систем прошлого, не признает — по крайней мере, формально — «естественных сфер влияния» или «зон особой ответственности» великих держав, что крайне затрудняет консолидацию «полюсов». Разворот системы в направлении легитимации «имперских» принципов организации мирового пространства в принципе возможен, но, на наш взгляд, в обозримой перспективе не просматривается.

Если относительно слабые субъекты мировой политики и вынуждены искать покровительства у великих держав, то они в большинстве случаев предпочитают географически и культурно удаленных партнеров. Покровительство «на расстоянии» выглядит менее навязчивым и создающим меньше рисков и угроз — в том числе для сохранения и укрепления национальной идентичности.

Как показывает опыт последних лет, даже в Европе, прошедшей через долгие десятилетия интеграционных процессов, интересны национальной идентичности нередко перевешивают экономические или военно-стратегические интересы. Поэтому нынешнее польское руководство, демонстрируя свою независимость от Брюсселя и Берлина, настойчиво ищет поддержки в Вашингтоне, и именно поэтому Европейский союз едва ли в обозримом будущем станет полноценным центром силы глобального уровня. А если это так, то формирование «полюсов» возможно только на «добровольно-принудительной» основе, надежность и эффективность которой в XXI веке более чем сомнительны.

Впрочем, положение «ведущих» в формирующихся «полюсах» выглядит не менее двусмысленным, чем положение «ведомых». С одной стороны, великие державы должны формировать вокруг себя некую систему двусторонних и многосторонних союзов, альянсов и коалиций, чтобы максимально нарастить удельный вес своего «полюса» по отношению к другим «полюсам». С другой стороны, одно из декларируемых преимуществ великих держав — их «полноценный» национальный суверенитет, который, собственно, и выделяет их из общей массы участников мировой политики. Соответственно, сохранение суверенитета — одна из важнейших задач «великодержавной» внешней политики.

Попытки совмещения задач создания союзов и сохранения «полноценного» суверенитета выглядят не вполне убедительно. Например, В.В. Путин в своей внешнеполитической риторике постоянно говорит о важности для России таких многосторонних структур как СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС, БРИКС и пр. Одновременно он утверждает: «Россия, слава богу, не входит ни в какие альянсы. В этом тоже в значительной степени залог нашего суверенитета. Любая страна, которая в альянсы входит, сразу часть своего суверенитета отдаёт. И далеко не всегда это отражает национальные интересы той или иной страны...»⁴⁴.

Подведем промежуточные итоги. Многополярные системы в том виде, в котором они нам известны, по своей природе иерархичны. Соответственно, новая многополярность тоже должна предполагать иерархию между «ядром» и «периферией» отдельных полюсов. Причем не только фактическую, но и правовую — «ядро», несущее особую ответственность за сохранение и укрепление центра, неизбежно должно располагать и особыми правами, требующимися для эффективного выполнения этой функции. В этом смысле многополярный мир мало чем отличается от мира однополярного или биполярного — просто особый статус и сопутствующие этому статусу привилегии распределяются между чуть большим числом игроков.

В российском дискурсе о грядущей многополярности предлагается эту иерархичность в той или иной форме сохранить и закрепить. При этом вольно или невольно смешиваются понятия юридического равенства («равноправия») и фактического равенства (тождества как предельного равенства). Государства не могут быть фактически равными друг другу — слишком различны их ресурсы и возможности, размеры и потенциалы (экономические, военные, политические и любые другие).

Но очевидное фактическое неравенство государств совсем не обязательно означает, что они должны также кардинально отличаться в своих базовых правах. Ведь существует же принцип равенства граждан перед законом — независимо от различий в социальном статусе, в имущественном положении, в образовании и талантах. Отказывая в правах гражданам, власть провоцирует бунт и революцию; отказывая в правах малым и средним государствам, архитекторы нового мирового порядка плодят потенциальных спойлеров и ревизионистов.

⁴⁴ Путин В.В. Выступление на заседании Совета Безопасности. 22.10.2014.
URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46305>

Возвращение в биполярный мир

Отличия нынешней ситуации в мире от положения дел в начале позапрошлого века слишком очевидны, чтобы попытаться восстановить «классическую» многополярность. По всей видимости, нынешние приверженцы многополярности так или иначе это осознают. И если вчитаться в современные российские нарративы, описывающие «новую» многополярность XXI столетия, то за пышным многополярным фасадом очень часто вырисовывается железобетонная биполярная конструкция мировой политики, отражающая до конца не преодоленную советскую ментальность.

В Советском Союзе было принято считать, что сущность любой исторической эпохи определяется главным (основным, коренным, центральным) противоречием, этой эпохе присущим. Главное противоречие является как источником, так и движущей силой исторического развития. «Основным является противоречие, которое, будучи раздвоением единого в самой глубокой его сущности, определяет качественную специфику предмета, основные этапы его развития и оказывает определяющее воздействие на все остальные противоречия. Основное противоречие всегда только одно, и оно существует от возникновения объекта до его перехода в иное качество»⁴⁵.

Считалось, что главное противоречие в той или иной степени затрагивает все сферы общественной жизни, включая экономику, политику, культуру, мораль и, конечно же, международные отношения. Само собой, противоречие является антагонистическим, то есть оно не может быть разрешено на основе какого-то компромисса, взаимных уступок и примирения сторон. Тактические компромиссы, разумеется, всегда возможны, но в конечном счете в главном противоречии эпохи стороны взаимодействуют по правилам «игры с нулевой суммой».

Окончательная победа или финальное поражение одной из сторон в противоречии — всего лишь вопрос времени. Разрешение главного противоречия означает одновременно восхождение социальной системы на новый, более высокий уровень развития или, используя марксистскую терминологию, переход к новой социально-экономической формации.

Как известно, главным противоречием XX века советская социальная мысль полагала противоречие между капитализмом и социализмом как разными и противоположными друг другу общественно-политическими системами. Глобальное противостояние двух систем, в свою очередь, интерпретировалось как конкретно-историческая форма проявления более общего противоречия между трудом и капиталом. А именно — между господством капи-

⁴⁵ Диалектика развития социалистического общества. М.: Мысль. 1980. С. 43.

тала в буржуазном обществе и властью труда в обществе социалистическом⁴⁶.

Не вдаваясь в тонкости марксистско-ленинской теологии, стоит заметить, что понятие «главного противоречия эпохи» предлагало весьма удобную методологическую рамку для анализа разнообразных и разнонаправленных явлений общественной жизни. Из хаотического нагромождения не связанных друг с другом тенденций, процессов и отдельных событий складывалась стройная и логически завершенная картина исторического прогресса, пригодная не только для исследований продвинутых академических экспертов, но и для повседневных потребностей агитаторов и пропагандистов. Причем не только в Советском Союзе, но также и на противостоящем Союзу Западе, который с готовностью воспринял предложенное ему противопоставление «коммунизма» и «демократии».

Возможно, именно поэтому понятие «главного противоречия» успешно пережило развал мировой социалистической системы, распад СССР и повсеместную дискредитацию марксизма как «единственно верного общественного учения». Современные международные отношения все чаще рассматриваются в России через призму биполярности, унаследованной от советской эпохи.

Возрождение биполярных представлений шло параллельно с ухудшением отношений России с Западом и фактически означало отход от базовых постулатов многополярности при сохранении части «многополярной» риторики. Общая картина мира стала приобретать все более отчетливую черно-белую окраску, и эта тенденция сохранилась даже после прихода к власти в Вашингтоне администрации Дональда Трампа, поставившей под вопрос существование единого Запада, равно как и наличие консолидированных «правлящих кругов» США⁴⁷.

Как и в случае с биполярностью советской эпохи, черно-белый взгляд на мир приобрел значительную популярность не только в Москве, но также и в западных столицах. Однако, анализ типичных современных западных биполярных нарративов выходит за рамки данной работы.

Попробуем перечислить основные современные нарративы, претендующие на артикуляцию «главного противоречия» применительно к международной системе XXI века. Оговоримся сразу, что речь идет о самых общих логических конструкциях, страдающих неполнотой и схематичностью. Изложенные ниже нарративы являются «пересекающимися множествами», перетекующими друг в друга, допускающими самые различные интерпретации и, как правило, не имеющими под собой сколько-нибудь прочной методологической или эмпирической основы.

⁴⁶ Семенов В.С. Уроки XX века и путь в XXI век, Социально-философский анализ и прогноз. М.: ИФ РАН, 2000.

⁴⁷ Возрождение биполярных представлений о мироустройстве идет параллельно с «милитаризацией» внешнеполитического мышления — как в России, так и на Западе. См.: Кортунов А.В. Политика как продолжение войны иными средствами? // РСМД, 18.10.2018.

URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-kak-prodolzhenie-voyny-inymi-sredstvami/>

Варианты новой биполярности

Демократия и авторитаризм. Классический неолиберальный нарратив, особенно популярный в 90-е гг. прошлого века, но сохраняющий сторонников в России и по сей день. Основывается на представлении о том, что современная мировая политика представляет собой глобальное противостояние демократических и антидемократических (авторитарных и тоталитарных) сил. В конечном счете демократия должна с неизбежностью победить — как в старом советском нарративе коммунизм должен был обязательно победить капитализм. Неизбежность победы демократии предопределена тем, что именно западная демократия остается символом прогресса и модерности, в то время как авторитаризм тождественен архаике и традиционализму. С триумфом демократии должна закончиться история (Фрэнсис Фукуяма).

В настоящее время сторонники нарратива с тревогой наблюдают фронтальное контр наступление антидемократических сил и отход многих стран от ранее избранных демократических моделей развития. Россия — один из самых ярких примеров тактического поражения демократии. Но сам нарратив противостояния демократии и авторитаризма не подвергается пересмотру, равно как и вызывает сомнения будущее возвращение России к демократической модели развития и повторное вхождение в «Большой Запад». Такого рода идеи содержатся, например, в программе партии «Яблоко» на выборах в Государственную Думу 2016 г.: «Яблоко» однозначно воспринимает Россию как часть западной цивилизации и призывает к воссозданию «Большой восьмерки»⁴⁸.

Порядок и хаос. С начала века этот нарратив популярен в России и в значительной части «не-западного мира» и является своеобразным ответом на противопоставление «демократии» и «авторитаризма». Водораздел в мировой политике, экономике и в социальной жизни проходит между силами, выступающими за повышение управляемости, стабильности, порядка в социальной жизни, и силами, прямо или опосредованно содействующими нарастанию нестабильности, дезинтеграции и хаоса. Иными словами, в мире идет борьба между силами негэнтропии и энтропии.

Наглядными проявлениями этой борьбы в международных отношениях можно считать текущее противостояние на Ближнем Востоке, а также попытки Запада спровоцировать «цветные революции» на постсоветском пространстве. При этом поддержка хаоса парадоксальным образом связывается с попытками сохранить старый порядок однополярного мира. В формулировке С.В. Лаврова это звучит так: «Если мы посмотрим на факты, тот

⁴⁸ Предвыборная программа партии «ЯБЛОКО» «Уважение к человеку», 2016 год // официальный сайт партии Яблоко. URL: https://www.yabloko.ru/program#_Точ459908182

хаос, который был посеян в Ираке и Ливии, в целом в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, тот импульс негативным процессам, который дало вмешательство извне с использованием грубой силы, — это все плоть от плоти той самой однополярности, которую наши западные коллеги стараются сохранить»⁴⁹. Россия, разумеется, выступает на стороне порядка. Он и должен в итоге победить, поскольку без него человечество обречено на деградацию и в конечном счете на самоуничтожение⁵⁰.

Консерватизм и либерализм. Главное противоречие эпохи рассматривается через призму противостояния традиционных консервативных ценностей (семья, религия, духовность, сообщество) и ценностей неолиберальных (индивидуализм, секуляризм, потребление, мультикультурность, сети вместо сообществ). Политика мистической групповой идентичности противостоит политике прагматических групповых и институциональных интересов. Противоречие находит свое отражение в противостоянии как между отдельными государствами, так и внутри государств (проявлением чего становится подъем правого популизма в Западной Европе, победа Дональда Трампа на президентских выборах США, «консервативная революция» в Польше и пр.). Принадлежность России «консервативному лагерю» сомнению не подлежит. Более того, Россия претендует на роль одного из лидеров глобальной консервативной реставрации. Мир движется в сторону консерватизма, неолиберализм терпит историческое поражение — как минимум на обозримую перспективу.

Весьма ярким проявлением такого подхода является выступление Владимира Путина 1 ноября 2018 г. на пленарном заседании Всемирного русского народного собора, посвящённом 25-летию образования организации: «Мы видим, какие усилия предпринимаются сегодня, чтобы «переформатировать» мир, разрушить традиционные ценности и те культурно-исторические пространства, которые складывались веками. Цель — создать разного рода безликие «протектораты». Ведь разобщёнными народами, лишёнными национальной памяти, низведёнными до уровня вассалов, проще и удобнее управлять, использовать как разменную монету в своих интересах»⁵¹. Примечательно, что российский руководитель трактует эрозию традиционных ценностей и национально-культурной идентичности не как объективные процессы в современном мире постмодерна, но как результат реализации целенаправленной политической стратегии международного либерального истеблишмента.

Национализм и глобализация. Вариация предыдущего нарратива, но с большим упором на международные измерения социального развития. На од-

⁴⁹ Сергей Лавров на встрече с участниками Всероссийского молодежного образовательного форума «Территория смыслов на Клязьме», 11.08.2017, URL: <https://tass.ru/politika/4477015>

⁵⁰ Этот нарратив имеет свою аналогию в физическом мире в гипотезе Тепловой смерти Вселенной Рудольфа Клаузиуса — экстраполяции второго начала термодинамики на всю Вселенную. По логике Клаузиуса, накопление элементов хаоса в итоге должно привести Вселенную к состоянию термодинамического равновесия или «тепловой смерти».

⁵¹ Заседание Всемирного русского народного собора // официальный портал Президента России, 01.11.2018, URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59013>

ной стороне разделительной черты в современном мире находятся сторонники ничем не ограниченной глобализации, размывания суверенитета национальных государств и усиления транснациональных экономических и финансовых институтов; на другой — защитники Вестфальского порядка, националисты, выступающие против «всемирного заговора» космополитических элит⁵².

Одно из самых наглядных проявлений этого противоречия — острая политическая борьба вокруг глобальных миграций, протекционизма и свободной торговли, «культурного глобализма» и «национального культурного кода». Другими проявлениями можно считать вопросы о международном управлении информационно-коммуникационным пространством и о будущем международных организаций (от ООН и Евросоюза до ОБСЕ и ОЗХО). Современная Россия, естественно, выступает как бастион борьбы с глобализацией, в которой национальный суверенитет провозглашается одной из важнейших ценностей. Здесь также важно отметить, что в российских нарративах глобализация выступает не как объективная социально-экономическая тенденция современного мира, но как целенаправленная стратегия западных элит (прежде всего, связанных с транснациональными финансовыми кругами), преследующих исключительно свои групповые интересы.

Север и Юг. Главное противоречие эпохи, заменившее раскол мира XX века по оси «Восток — Запад» — новый раскол по оси «Север — Юг». Как пишет российский исследователь А.В. Торкунов, «на одном полюсе мировой системы находится группа развитых демократических государств, являющихся средоточием экономической, технологической и военной мощи, на другом — несколько десятков наименее развитых стран Африки и Азии, в том числе так называемые «несостоявшиеся государства», неспособные обеспечить элементарный правопорядок и зачастую переживающие состояние перманентной гражданской войны... Между этими двумя полюсами расположена многообразная и подвижная, постоянно меняющаяся совокупность государств, находящихся на разных ступенях социально-экономического развития»⁵³.

Иногда эта биполярность трактуется как противостояние «золотого миллиарда» и всего остального человечества. Север стремится в максимальной мере сохранить нынешнюю, выгодную ему систему мировой экономики и международных отношений, свое привилегированное положение в международных организациях, в информационно-культурном пространстве, в военной сфере. Юг, со своей стороны, требует глобального перераспределения ресурсов и влияния. Особенно остро новая биполярность проявляет себя в Евразии. Как утверждает В.И. Кулагин, «буквально на глазах происходит осознание радикального изменения глобальной геостратегической обстановки, кардинального смещения основного вектора угроз и вызовов

⁵² Блестящей иллюстрацией исторической устойчивости противостояния универсализма и партикуляризма можно считать замечательную работу Иоганна Дройзена: Дройзен И.Г. История эллинизма в 3-х томах. Ростов на Дону: Феникс, 1995.

⁵³ Торкунов А.В. От «холодной войны» к «коалиции победы» // Космополис. Зима 2004–2005. № 4. С. 14.

мировой безопасности от координат «Запад — Восток», унаследованных от Холодной войны, к новому измерению, которое можно условно определить как «Юг — Север», а эпицентра напряженности — из европейско-североатлантического региона на южную периферию Евразийского континента»⁵⁴. Фактически Север выступает глобальной буржуазией XXI века, Юг становится глобальным пролетариатом, а многомиллионные миграции с Юга на Север оказываются современным аналогом социальных революций предыдущих эпох. Победа Юга в противостоянии с Севером предопределена, можно спорить лишь об условиях и сроках капитуляции последнего.

Положение России в этой системе координат не вполне очевидно — политические предпочтения толкают страну в направлении «Юга» (БРИКС, ШОС), в то время как многие социальные, демографические и культурно-исторические особенности детерминируют принадлежность страны к «Северу». Интересную точку зрения на динамику этого противостояния высказал В.А. Кременюк: «Процесс реформ экономических и политических отношений в таких крупных странах как Россия, Китай и Индия способен сместить соотношение живущих в бедности и живущих в достатке на планете в пользу более развитых стран. Это может в корне изменить ход человеческой истории...»⁵⁵.

США и остальной мир. Один из вариантов предыдущего нарратива, доведенного до своего логического завершения. Вместо «коллективного Севера» (он же — «коллективный Запад») в качестве одной из сторон в главном противоречии выступают исключительно Соединенные Штаты⁵⁶. Мировое развитие определяется противостоянием Вашингтона, претендующего на сохранение своего глобального доминирования в рамках концепции «однополярного мира», и всеми остальными игроками мировой политики, не желающими принимать такое доминирование и продвигающие альтернативную американской концепции идею «полицентричного мира». Соответственно, даже традиционные американские союзники в Европе и в Азии, как и Россия, объективно противостоят в этом споре Соединенным Штатам. «Однополярный мир» постепенно уходит в прошлое, но рецидивы «однополярного момента» возможны и даже неизбежны. Россия в силу ряда исторических обстоятельств оказалась на переднем крае борьбы против американских притязаний, но фактически речь идет о противостоянии глобального уровня.

Такой взгляд на мир был особенно популярен сразу после начала американской войны в Ираке 2003 г., когда часть европейских союзников США, включая Францию и Германию, активно выступила против интервенции. Казалось, появилась перспектива формирования новой политической оси «Москва — Берлин — Париж». Однако, ситуативное сотрудничество не пе-

⁵⁴ Кулагин В.М. Россия — США. Кое-что начинает получаться // Международная жизнь. 2001. № 12. С. 12.

⁵⁵ Кременюк В.А. Порядок после кризиса: каким ему быть? // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 3. С. 13.

⁵⁶ Еще в далеком 2000 г. российский исследователь Н.В. Загладин писал: «Идею многополярности российская дипломатия стремится превратить в инструмент консолидации государств, неудовлетворенных тем, как США и их союзники осуществляют мировое лидерство». См.: Загладин Н.В. «Новый мировой беспорядок» и внешняя политика России // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 1. С. 24.

перосло в стратегическое партнерство, и с течением времени в риторике российского руководства европейским странам все чаще отказывалось во внешнеполитической субъектности. Весьма характерным примером представляется использование российским лидером в его Послании Федеральному Собранию 20 февраля 2019 г. нарочито pejоративной лексики в адрес европейских союзников США, которые «подхрюкивают американцам»⁵⁷.

Капитализм и социализм. Этот нарратив предполагает, что главное противоречие XX века — противоречие между трудом и капиталом — никуда не делось, поскольку так и не было принципиально разрешено вместе с распадом мировой социалистической системы. А стало быть, это противоречие так или иначе воспроизводится и будет воспроизводиться в новых формах (периодические «левые повороты» в Латинской Америке, запрос на «социальное государство» в России, феномены Берни Сандерса в США, Джереми Корбина в Великобритании и Жана-Люка Меланшона во Франции).

Сторонники такого нарратива утверждают, что настоящий вызов либеральному капитализму исходит не справа (со стороны консерваторов-националистов), а слева (со стороны эгалитаристов-интернационалистов). Будущее мироустройство будет так или иначе включать в себя элементы плановой экономики, социального эгалитаризма, ограничения на индивидуальное потребление, «управляемую демократию» и прочие атрибуты, свойственные как Советскому Союзу прошлого столетия, так и современному Китаю. Часто эти идеи соседствуют с разнообразными предложениями, касающимися создания всемирного социального государства на основе глобальной солидарности эксплуатируемых слоев общества в разных странах.

В программе КПРФ подчеркивается: «Происшедшая в СССР и в ряде других стран реставрация капитализма означает временное отступление социализма. Причём проиграл не социализм как общественный строй, а ранняя его форма. Силы социализма зреют и растут. Ускоренно развивается социалистический Китай. Продвигаются по пути строительства социализма другие страны. В ряде государств у власти находятся коммунисты или прогрессивные партии, лидеры которых с симпатией относятся к такому пути. Вслед за Кубой всё увереннее проявляется стремление к социалистическому выбору в странах Латинской Америки. Усиливается национально-освободительная борьба во многих странах мира, лишая капитализм важнейшего резерва и источника продления своего существования. Громко заявляет о себе движение противников империалистической глобализации. Вот почему есть все основания считать, что в XXI веке социализм как учение, массовое движение и общественный строй получит своё второе дыхание»⁵⁸.

⁵⁷ Послание Президента Федеральному Собранию // официальный портал Президента России. 20.02.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863>

⁵⁸ Программа партии // официальный сайт политической партии «КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ». URL: <https://kprf.ru/party/program>

Несовместимость биполярности и полицентризма

Подчеркнем еще раз — ни одно из представленных новых «главных противоречий» по своей последовательности, логической непротиворечивости и комплексности нельзя поставить в ряд с советским оригиналом — они эклектичны, поверхностны, созданы на скорую руку. Но и времени для «вызревания» новых идеологием после распада СССР по историческим меркам прошло не так много. Поэтому нынешний пейзаж формирующихся биполярных нарративов выглядит как огромная и хаотичная строительная площадка, на которой теснятся многочисленные недостроенные конструкции, выполненные в различных архитектурных стилях с использованием материалов разного качества и разной долговечности.

Вариант возвращения мира к биполярности второй половины XX века исключить нельзя. Во всяком случае, такой вариант в формате грядущего американо-китайского противостояния выглядит более реальным, чем возвращение к «классической» многополярности XIX столетия⁵⁹. Принципиально допустимыми — хотя и в разной степени вероятными — представляются и некоторые другие разновидности биполярности из числа перечисленных выше. Но вот попытки совместить в одной конструкции элементы многополярности и биполярности — дело, на наш взгляд, методологически безнадежное. Слишком расходятся базовые установки двух концептуальных подходов к мировой политике. Многополярность и биполярность — два принципиально различных взгляда на мир, а потому столь значительные методологические сложности возникают у авторов разнообразных «гибридных» концепций.

В «классической» многополярности не может быть жесткого разделения на правых и виноватых, на своих и чужих, на черное и белое. Многополярная система, как правило, не опирается на ценности как на основу формирования тактических коалиций и принятия внешнеполитических решений. Чужие в этой системе могут при смене обстоятельств оказаться своими, правые и виноватые — поменяться местами, а между черным и белым найдется множество самых разнообразных оттенков серого.

Биполярная картина, наоборот, тяготеет к конфликту ценностей, к идеологической несовместимости сторон, к ярко выраженному манихейству (от противостояния Афин и Спарты до советско-американской конфронтации). В биполярном мире «свои» всегда правы, а «чужие» неизменно вино-

⁵⁹ Один из вероятных сценариев трансформации нынешнего американо-китайского противостояния в глобальную биполярную систему представлен Д. Мосяковым в статье «Мы вновь идем к борьбе двух систем?» URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/my-vnov-idem-k-borbe-dvukh-sistem/>

ваты. «Своим» прощается все, «чужим» — ничего. Примирение с противоположной стороной невозможно без принципиального изменения природы последней. Популярное сегодня в России понятие «совокупного Запада» явно свидетельствует о возрождении старой советской ментальности. Оно, разумеется, никак не вписывается в декларируемую многополярную картину мира, но оно очень удобно для конструирования противоположного понятия «совокупного не-Запада».

Отсюда — неизбежные нестыковки и даже противоречия в описаниях отдельных процессов в различных регионах мира. Возьмем, например, российские оценки процессов европейской интеграции. Разумеется, только сильный и сплоченный Европейский союз способен внести существенный вклад в формирование действительно многополярного мира. Слабая и разрозненная Европа, не способная ни о чем серьезном договориться сама с собой, всегда будет оставаться объектом для давления, различных манипуляций и даже прямого шантажа со стороны Вашингтона. Именно слабость Евросоюза сегодня мешает Брюсселю успешно противостоять введению администрацией Д. Трампа новых санкций против Ирана или единодушно осудить решение Белого дома о переносе американского посольства в Израиле из Тель-Авива в Иерусалим. Только слабый Евросоюз оказывается перед необходимостью де-факто присоединяться к односторонним антироссийским санкциям США. Сильный и успешно развивающийся Европейский союз — это, помимо всего прочего, еще надежный и перспективный рынок для российских товаров, услуг и российских инвестиций. Из этого следует, в частности, что с точки зрения экономических интересов России выход Великобритании из ЕС никак нельзя считать подарком судьбы.

Казалось бы, в российских нарративах должны доминировать положительные оценки европейской интеграции. Такие оценки действительно были очень распространены в начале столетия. Более того, в риторике российского руководства нередко фигурировала мысль о том, что Россия и Европа — это вообще две составные части будущего единого глобального полюса. Например, в своем выступлении в Бундестаге ФРГ 25 сентября 2001 г. В.В. Путин утверждал: «Что касается европейской интеграции, то мы не просто поддерживаем эти процессы, мы смотрим на них с надеждой... Я придерживаюсь мнения, что Европа твердо и надолго укрепит свою репутацию мощного и действительно самостоятельного центра мировой политики, если она сможет объединить собственные возможности с возможностями российскими — людскими, территориальными и природными ресурсами, с экономическим, культурным и оборонным потенциалом России»⁶⁰.

Это и подобные высказывания можно было бы интерпретировать как позицию «раннего Путина», преисполненного идеализма в отношении возможного сотрудничества России и Европы. Но и в самом разгаре украинского кризиса, 17 апреля 2014 г., российский лидер говорил следующее: «Мы все —

⁶⁰ Выступление В.В. Путина в Бундестаге ФРГ, 25.09.2001.
URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21340>

люди одной цивилизации. Да, мы все разные, у нас есть свои особенности, но глубинные ценности одинаковые. И, мне кажется, нужно, безусловно, стремиться — я много раз об этом говорил и сказал уже сегодня — к тому, чтобы нам создавать Европу от Лиссабона до Владивостока. Если мы это сделаем, у нас есть шанс в будущем мире занять достойное место. Если мы пойдём по другому пути, если мы будем разделять Европу, европейские ценности и европейские народы, будем заниматься сепаратизмом в широком смысле этого слова, то мы все будем малозначимыми, неинтересными игроками и никакого влияния на мировое развитие и даже на своё собственное оказать не сможем»⁶¹.

Однако, несмотря на последовательное отождествление России с Европой, сегодня в российском дискурсе мы очень часто сталкиваемся с нескрываемой симпатией по отношению к евроскептикам, правым и левым популистам, сепаратистским движениям в Европе и пр. В официальных СМИ живописуются, часто — с изрядной долей преувеличения — европейские проблемы, связанные с миграциями, нарушениями финансовой дисциплины в зоне евро, социально-экономическим неравенством и т.д.⁶² Да и практические действия Москвы вызывают сомнения в том, что укрепление Евросоюза — несмотря на всю «проевропейскую» риторику — относится к числу российских внешнеполитических приоритетов. Вспомним хотя бы более чем теплый прием, оказанный в Кремле одному из лидеров евроскептиков, лидеру партии «Национальный фронт» Марин Ле Пен буквально накануне президентских выборов во Франции 2017 г.

Если первая (позитивная) картина современной Европы отражает уходящую в прошлое многополярную парадигму, то вторая (негативная) проистекает из возрождающейся на наших глазах биполярной парадигмы. Если Европейский союз рассматривается не в качестве самостоятельного центра силы в формирующемся многополярном мире, а как ресурс американского гегемона в новой биполярности, то, разумеется, любые проблемы Евросоюза должны считаться благом для Москвы⁶³.

Преодоление рудиментов биполярной логики является хотя и необходимым, но все же недостаточным условием как для успешной внешней политики, так и для адекватного описания современных международных процессов. Как представляется, даже более последовательное и корректное использование многополярных подходов все же не позволяет ухватить меняющиеся реалии мировой политики XXI века.

Принимая как аксиому принцип равноправия государств в международной системе, мы должны с неизбежностью отказаться от некоторых фундамен-

⁶¹ Прямая линия с Владимиром Путиным, 17.04.2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20796>

⁶² КОРТУНОВ А.В. Какая Европа нужна России? // РСМД, 4.09.2018.
URL: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/kakaya-evropa-nuzhna-rossii/>

⁶³ Возможные варианты развития отношений России и ЕС в логике биполярности и многополярности рассмотрены автором в: КОРТУНОВ А.В. Россия и Европейский союз: четыре сценария на будущее // РСМД, 18.01.2018.
URL: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/rossiya-i-evropeyskiy-coyuz-chetyre-stsenariya-na-budushchee/>

тальных основ концепции многополярности или, по крайней мере, дополнить их иными методологическими установками. Ведь эта концепция — как и концепция bipolarности — в явной или неявной форме предполагает, что в мире будущего всегда останутся отдельные государства или их группы (полюса или центры силы), которые наделены особыми правами. То есть будут закреплены привилегии силы, подобно тому как победители во второй мировой войне закрепили свои привилегии при создании системы ООН в 1945 г. Но повторить опыт 1945 г. в 2019 г. в любом случае не удастся: большинство аналитиков вынуждены констатировать, что великие державы сегодня не имеют ни того авторитета, ни той легитимности, ни того единодушия, которыми обладали страны, внесшие решающий вклад в победу в самой кровопролитной войне в истории человечества.

По всей видимости, серьезные интеллектуальные прорывы в развитии российской теории международных отношений достижимы при переносе акцентов с концепции многополярности на концепцию многосторонности. Не претендуя на сколько-нибудь системный и полный анализ последней, автор тем не менее хотел бы кратко обрисовать ее базовые положения и перспективные направления ее дальнейшего развития.

Многополярность и многосторонность

Чтобы международная система будущего оказалась стабильной и долговечной, в ней не должно быть принципиальных различий между победителями и побежденными, между «обычными» и «привилегированными» участниками. В противном случае, с любым изменением баланса сил в мире (а такие изменения будут происходить с нарастающей скоростью) систему придется корректировать, проходя через новые и новые кризисы, а возможно — через новые и новые военные столкновения.

Кроме того, представляется очень сложным обсуждать вопрос о «кодификации» привилегии силы в новой многополярной конструкции, когда в современной теории международных отношений практически единодушно признается наличие стремительного процесса диффузии этой силы. Во времена Венского конгресса сила была иерархична, количественно легко просчитываема, а набор ее параметров — жестко ограничен. Сегодня традиционные жесткие иерархии силы быстро теряют свое прежнее значение. Не потому, что старые компоненты национального могущества перестают действовать, а потому, что параллельно с ними выстраиваются многочисленные новые компоненты. Причем присвоить этим новым компонентам четкие количественные показатели во многих случаях оказывается исключительно сложной задачей.

Если понятие «силы государств» становится менее однозначным и включает в себя все больше измерений, слабо поддающихся квантификации, то мы неизбежно сталкиваемся с нелегкой проблемой нового определения «баланса сил» в мировой политике. Определение многополярного баланса сил — вообще дело методологически весьма непростое, даже и тогда, когда количество используемых параметров силы жестко ограничено, а сами эти параметры легко выразить в количественных показателях. Например, что такое «стабильный многополярный ядерный баланс»? «Многополярное ядерное сдерживание»⁶⁴? Когда же набор параметров силы стремится к бесконечности, их количественные характеристики не просчитываются, задача построения устойчивого многополярного баланса становится нерешаемой. Сбалансировать открытую систему с постоянно растущим числом независимых переменных — все равно, что пытаться превратить живую клетку в мертвый кристалл.

Российские исследователи В.А. Иноземцев и С.А. Караганов еще в 2005 г. совершенно справедливо отмечали, что концепция многополярности имеет те же принципиальные сущностные ограничения, что и родственные ей

⁶⁴ О трудностях, возникающих при попытках опередить параметры многостороннего ядерного мира см.: Арбатов А.Г., Дворкин В.З. (ред.). Полицентричный ядерный мир: вызовы и новые возможности. М.: Политическая энциклопедия. 2017.

концепции однополярности и биполярности: «Противники американской гегемонии стремятся к созданию альтернативной модели и выступают за многополярный мир. Но такая точка зрения нереалистична и старомодна, так как современный мир невозможно свести к совокупности уравновешивающих друг друга центров силы. Как и концепция восстановления равновесия Соединенным Штатам, эта идея не направлена на решение новых глобальных проблем, и даже семантика самого термина «многополярность» подразумевает нацеленность не на сотрудничество, а на соперничество в международных делах»⁶⁵.

Устойчивая система мировой политики предполагает, что она должна быть не вполне справедливой по отношению к сильным игрокам, ограничивая этих игроков в интересах слабых и в интересах стабильности системы в целом. Так, в любом федеративном государстве происходит перераспределение ресурсов от процветающих регионов к депрессивным — процветающие вынуждены платить больше ради сохранения целостности и стабильности федерации. Соответственно, и на теоретическом уровне нужно искать не столько принципы и механизмы мультипликации прав «сильных», сколько принципы и механизмы создания дополнительных гарантий «слабым». Это особенно важно потому, что возможности для «слабых» выступать в роли «спойлеров» в XXI веке выросли как минимум на порядок по сравнению с предыдущими эпохами.

Элементы будущего мирового порядка — если мы говорим именно о порядке, а не об «игре без правил» и не о «войне всех против всех» — следует строить на фундаменте не столько многополярности, сколько многосторонности. Два термина звучат похоже и иногда даже используются в России как синонимы⁶⁶, но их содержание принципиально различно.

В современном мире присутствуют элементы как многополярности, так и многосторонности, но если первые возвращают нас к архаичным формам мироустройства, то вторые обещают выход на новый уровень глобальной управляемости⁶⁷. Между тем явлению многосторонности как в России, так и за рубежом пока уделяется явно недостаточно внимания. Всесторонняя фундаментальная проработка различных измерений складывающейся системы многосторонности представляет собой крайне актуальную задачу теории международных отношений⁶⁸.

⁶⁵ Иноземцев В.А., Караганов С.А. О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. 2005. № 1. URL: https://globalaffairs.ru/number/n_4476

⁶⁶ Стоит заметить, что в некоторых случаях в российском официальном дискурсе понятию многополярности приписывались характеристики, скорее присущие именно многосторонности. «Многополярность или нет — не важно, как называть, — писал С.В. Лавров — Мы не цепляемся за слова. Главное, чтобы это работало — единственный критерий истины. В любом случае речь идет о сетевом методе ведения дел в международных отношениях, который противостоит разного рода иерархическим построениям, доминировавшим в мировой политике еще совсем недавно».

Лавров С.В. Потенциал перемен. Международные отношения в новой системе координат // Российская газета. 08.09.2009. URL: <https://rg.ru/2009/09/08/lavrov.html>

⁶⁷ Лебедева О.В. Многосторонняя дипломатия в современных международных отношениях // Право и управление. XXI век. 2015. № 1 (34). С. 86–90.

⁶⁸ Проблема синтеза противостоящих друг другу подходов к пониманию протекающих в мировой политике процессов уже поднималась автором в контексте возможного диалога сторонников геополитики и приверженцев глобализма. См.: Кортунов А.В. Блеск и нищета геополитики // РСМД. 12.01.2015. URL: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/blesk-i-nishcheta-geopolitiki/>

Подчеркнем наиболее важные, на наш взгляд, различия между многополярностью и многосторонностью:

Если многополярность выделяет в качестве основы строительства нового миропорядка различные категории силы, то многосторонность опирается на различные категории региональных, национальных и групповых интересов.

Если многополярность ищет пути формального или неформального закрепления системных привилегий лидеров, то многосторонность нацелена на поиск дополнительных возможностей для отстающих.

Если многополярность абсолютизирует понятие суверенитета отдельных центров силы, то многосторонность предполагает взаимное ограничение суверенных прав государств в целях поддержания стабильности системы в целом.

Если многополярный мир конструируется из балансирующих друг друга блоков, то многосторонний мир — из дополняющих друг друга международных режимов.

Если этапы развития многополярного мира отсчитываются периодически коррекциями баланса сил, реализующимися в виде международных кризисов и войн, то этапы становления многостороннего мира определяются динамикой процессов накопления элементов взаимозависимости и выхода мировой системы на новые уровни интеграции.

В отличие от многополярной модели будущего мира, многосторонняя модель не имеет значимых аналогов в прошлом и в этом смысле может показаться идеалистической и практически недостижимой. Могут также сказать, что если современный мир не движется в сторону многополярности, то он тем более не движется в направлении многосторонности (подтверждением чего является, например, политика администрации Трампа).

Однако отдельные элементы многосторонних моделей уже отработывались в практике международных отношений на региональном уровне и могли бы служить основой для построения новых теорий глобального уровня. Например, принципы многосторонности, первоочередного учета интересов малых и средних стран, приоритета общего нормально-правового базиса по отношению к ситуативным интересам отдельных участников системы легли в основу строительства Европейского союза⁶⁹. И хотя сегодня Евросоюз находится не в лучшей форме, а отдельные компоненты этой сложной машины дают явные сбои, вряд ли кто-то станет отрицать, что ЕС по-прежнему остается самым успешным реализованным интеграционным проектом в современном мире.

Если кому-то не нравится модель европейской интеграции, стоит поискать ростки новой многосторонности в других местах. Например, в проек-

⁶⁹ Убедительный анализ преимуществ многосторонности над многополярностью на примере Европейского союза можно найти в: Krumm R. Multipolar or multilateral? A choice of models for the security order 2.0: Congress of Vienna, Yalta, Helsinki // Vienna: FES Regional Office for Cooperation and Peace in Europe. March 2018. URL: https://www.fes-vienna.org/publications/?tx_digbib_digbibpublicationlist%5BpageIndex%5D=2

те «БРИКС+» или в концепции «Сообщества единой судьбы». Обе инициативы пытаются избежать чрезмерной усложненности, эксклюзивности и жесткости европейского проекта, предложив потенциальным участникам более разнообразные опции для сотрудничества⁷⁰. Интересный опыт создания системы, основанной на многосторонности, предлагает АСЕАН. Хотя данные проекты далеки от завершения, их реализация, если она окажется успешной, несколько не приблизит мир к «классической» многополярности, а, наоборот, еще дальше уведет от нее в направлении многосторонности.

Международному сообществу так или иначе придется восстанавливать серьезно подорванную в последние десятилетия нормативно-правовую основу мировой политики, искать сложные балансы интересов на национальном, региональном и глобальном уровнях, выстраивать гибкие режимы, регулирующие отдельные измерения международного общения. Сильным государствам придется идти на существенные уступки, чтобы многосторонние договоренности были привлекательны для слабых игроков. Придется отказываться от изживших себя рудиментов мышления прошлых веков, от сомнительных исторических аналогий и от привлекательных, но малосодержательных геополитических конструкций.

По всей видимости, такой переход окажется болезненным и сложным в первую очередь для тех государств, которые воспринимают свой особый статус и свои особые права в международной системе как некую данность, не подлежащую пересмотру или даже обсуждению. Но, как мы знаем из истории, игра на сохранение статус-кво, попытки «подморозить» международную систему, сложившуюся в принципиально иных условиях, ничем хорошим закончиться не могут, и в первую очередь — именно для тех, кто ведет такую игру.

Мир будущего окажется гораздо более сложным и противоречивым, чем он представлялся еще 20–30 лет назад. В нем найдется место множеству комбинаций самых разнообразных участников мировой политики, взаимодействующих друг с другом в различных форматах. Все это потребует радикального обновления существующей методологии изучения мировой политики — как на Западе, так и в России. Концепция многосторонности, на наш взгляд, могла бы стать одним из направлений этой работы (которое не заменяет более принципиальной и фундаментальной задачи поиска общего «политического проекта», способного заново объединить человечество — хотя бы к середине текущего столетия).

Что же касается концепции многополярности, то она должна остаться в истории как вполне оправданная интеллектуальная и политическая реакция на самоуверенность, высокомерие и разнообразные эксцессы незадачливых строителей однополярного мира. Не менее того, но и не более.

⁷⁰ Лисоволик Я. БРИКС–плюс: альтернативная глобализация?
URL: <https://globalaffairs.ru/valday/BRIKS-plyus-alternativnaya-globalizatciya-18973>

**МЕЖДУ ПОЛИЦЕНТРИЗМОМ И БИПОЛЯРНОСТЬЮ:
О РОССИЙСКИХ НАРРАТИВАХ ЭВОЛЮЦИИ МИРОПОРЯДКА**

В настоящее время популярность многополярности связана не с методологической проработанностью или с прогностическим потенциалом последней. А в первую очередь с политической востребованностью концепции, обусловленной тем, что она выступает понятной и логичной антитезой по-прежнему актуальной для многих концепции однополярного мира. Но с грядущим закатом концепции однополярного мира неизбежно начнется закат и ее противоположности — концепции мира многополярного.

Об авторе

Кортунов Андрей Вадимович – Генеральный директор Российского совета по международным делам (РСМД). Член РСМД. Член Президиума РСМД.

Закончил МГИМО МИД СССР, аспирантуру Института США и Канады АН СССР, кандидат исторических наук. Работал в Институте США и Канады, в том числе директором Отдела внешней политики США и заместителем директора Института. Преподавал международные отношения в европейских и американских университетах. Возглавлял ряд российских общественных организаций и фондов в сферах высшего образования, общественных наук и социального развития.

С 2011 г. — генеральный директор РСМД. Входит в экспертные, наблюдательные и попечительские советы многих российских и международных общественных организаций, член редакционных советов нескольких академических журналов. Имеет многочисленные публикации в России и за рубежом.

Основные направления научной деятельности: международные отношения, внешняя и внутренняя политика России, российско-американские отношения.

Российский совет по международным делам

**МЕЖДУ ПОЛИЦЕНТРИЗМОМ И БИПОЛЯРНОСТЬЮ:
О РОССИЙСКИХ НАРРАТИВАХ ЭВОЛЮЦИИ МИРОПОРЯДКА**

Рабочая тетрадь № 52 / 2019

Верстка – В.В. Пучков

Источники фото на обложке:
справа наверху – REUTERSMaxim ShemetovPixstream;
справа внизу – Vostock Photo;
слева внизу – Vostock Photo.

Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Печ. л. 2,5.
Тираж 350 экз.

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ (РСМД)
119180, Москва, ул. Большая Якиманка, дом 1
Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс: +7 (495) 225 6284
E-mail: welcome@russiancouncil.ru
www.russiancouncil.ru